
Ольга Риви
ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД ГРОМОВЫХ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
Том 2

Ольга Риви

Запретный плод Громовых. Том 2

«Автор»
2026

Риви О.

Запретный плод Громовых. Том 2 / О. Риви — «Автор», 2026

Вырваться из особняка Артёма Громова оказывается лишь первым шагом — свобода вне золотой клетки требует непомерной цены. Укрывшись в доме матери Захара, Аня сталкивается с новой, ещё более опасной правдой о прошлом своей семьи и внезапным открытием: мужчина, ставший её единственным защитником, сам ведёт с отцом смертельную и расчётливую партию.Запретное притяжение между ними вспыхивает с разрушительной силой, но доверие хрупко, как тонкий лед. Пока на поверхность всплывают старые тайны, заговоры и новые действующие лица, тень Артёма продолжает настигать беглецов на каждом шагу. Здесь больше нельзя оставаться просто жертвой или пешкой в чужой войне — Ане предстоит сделать собственный выбор и решить, кому верить, когда вокруг нет ни одного безопасного угла.От автора: Эротический детектив с элементами dark romance и семейной саги.

© Риви О., 2026
© Автор, 2026

Запретный плод Громовых. Том 2

Часть 2

Глава 1

Дверь гаража распахнулась, и я вцепилась в футболку Захара раньше, чем увидела Артёма. За спиной мужа стоял Виктор, тот самый, который за два дня до аварии помогал мне собирать рассыпавшиеся в папином коридоре банки. Одну он тогда поймал у самой лестницы и пошутил, что варенье надо спасать первым. Сейчас смотрел на меня без улыбки.

Артём задержал взгляд на моей руке. Я стояла слишком близко к его сыну, в распахнутом пальто, с разбитой губой, и всё ещё держалась за него. Муж неторопливо поправил манжет.

— Аня, в дом.

От знакомого тона свело живот. Так он звал меня из библиотеки, от окна, из ванной, если я задерживалась дольше, чем ему нравилось. Ещё час назад он бил меня, а теперь даже не считал нужным повысить голос: приказал и ждал.

Я начала разжимать пальцы. Ткань футболки смялась под ладонью, и мне почему-то стало неловко за эту складку, за то, что я успела намочить её слезами. За всё, кроме того, за что следовало бы стыдиться ему.

— Она уедет со мной, — сказал Захар.

Его спина напряглась. Он убрал ладонь с верстака и встал чуть боком, не выпуская отца из виду.

— Я тебя не спрашивал.

— А придётся.

Артём посмотрел на него внимательнее.

— Не лезь в мой брак.

— Ты ей губу разбил в рамках семейной беседы?

Я опустила голову, будто это я сделала что-то постыдное. Захар заметил движение и обернулся ко мне. На лице у него дёрнулась скула, но заговорил он спокойно:

— Ань, ты хочешь уехать?

Хотелось немедленно сказать «да», только голос не слушался. В этом доме вопросы обычно задавали, чтобы потом наказать за неправильный ответ. Я уже почти посмотрела на мужа, но удержалась, глядя на вырез Захаровой футболки: так было легче, чем в глаза.

— Да. Хочу.

— Посмотри на меня, — велел Артём.

Я вздрогнула, но головы не повернула. Захар стоял рядом и впервые за вечер между мной и мужем было расстояние, которое тот не мог преодолеть одним движением.

— Я услышал, — сказал Захар. — Выметайся, отец. Разговор окончен.

— Ты сейчас серьёзно?

— Вполне.

Артём усмехнулся и кивнул на моё пальто.

— А ты быстро освоилась. Ко мне пришла ради денег, к нему — поплакаться. Платье хоть поправь, прежде чем изображать несчастную страдалицу.

Я стянула полы на груди. Платье цеплялось за подкладку там, где он его порвал, и от этого простого движения мне стало мерзко. Захар посмотрел вниз, заметил мою гримасу, и выражение его лица изменилось так, что я невольно коснулась его локтя.

Не сейчас. Пожалуйста, не оставляй меня здесь ради разборок с ним.

Он коротко взглянул на мою руку и остался на месте.

— Я пришла за помощью, — сказала я.

— Конечно. Поэтому и висела на нём?

Мне захотелось объяснить, что я едва держалась на ногах. Что Захар не звал меня и ничего не требовал. Я уже открыла рот, когда заметила, как внимательно Артём ждёт. Сейчас я начну оправдываться, он перебьёт, заставит повторить, найдёт, к чему придраться, а я знала этот разговор наизусть.

— Я хочу уехать, — повторила я.

Он шагнул ко мне. Спина упёрлась в борт машины, но Захар сразу сместился, перекрыв проход.

— Стой там.

— Отойди от моей жены.

— Она сказала, что хочет уехать. Ты плохо расслышал?

В гараже стало тихо. Виктор перестал смотреть на меня и перевёл взгляд на Артёма, ожидая указаний. Я заметила это и спрятала руки в рукава, я не хотела, чтобы все видели, как они дрожали, и мне нужно было хоть немного подумать.

Муж не собирался уступать. Он просто выбирал, чем надавить.

— Хорошо, — произнёс он наконец и достал телефон. — Только сначала выясним, что Катерина унесла в твоей сумке.

Я почувствовала, как под пальто выступил пот. Значит, он видел передачу. Или ему доложили. Но если бы бумаги уже были у него, он положил бы их передо мной и заставил смотреть, как рвёт.

Я вцепилась в эту мысль.

— Вещи, — ответила я. — Я попросила её забрать кое-что.

— Что именно?

— Ты теперь и мои старые колготки пересчитываешь?

Слова вырвались раньше, чем я успела испугаться. У Захара дрогнул уголок рта, а Артём убрал телефон от лица.

— Осторожнее, Аня.

Сразу захотелось извиниться. Я прижала язык к нёбу и промолчала.

Захар уже набирал номер. Говорил, не отходя от меня:

— Дань, свяжись с Катей. Да, с ней. Пусть сама скажет, откуда её забрать и куда отвезти. И узнай насчёт квартиры на ночь.

— Ты бы сначала спросил, хочет ли Катерина с тобой связываться, — заметил Артём. — У неё работа, родственники. Людям обычно есть что терять.

Я подалась вперёд.

— Она ничего не знает.

— Тогда чего ты так испугалась?

Захар закончил звонок и убрал телефон.

— Её не трогай.

— Ты мне условия ставишь в моём доме?

— Да. Можешь записать, если с первого раза не запомнил.

Я видела его сжатую челюсть, вздувшуюся вену на шее. Он говорил нагло, почти лениво, но стоило Артёму пошевелиться, Захар сразу следил за его руками.

— Разговаривай со мной, — добавил он. — А не через неё.

— Не решай за меня, — тихо сказала я.

Он повернулся. Я ждала раздражения: не вовремя полезла, мешаю, сама не справляюсь и ещё спорю. Но Захар только кивнул.

— Хорошо. Говори.

От этого простого согласия у меня защипало в носу. Я посмотрела на мужа.

— Катя забрала мои вещи по моей просьбе. Если тебе что-то нужно узнать, спрашивай у меня.

— Завтра поговорим, — ответил он. — Когда успокоишься и перестанешь позориться.

Он всё ещё обращался со мной так, будто я устроила сцену за ужином. Будто синяк на щеке появился от дурного характера.

— Сегодня я здесь не останусь.

Артём помолчал, затем убрал телефон в карман и отступил от двери.

Я не сразу поверила. Посмотрела на Виктора, на свободный проход, снова на мужа. Слишком легко — после угроз Кате, после его руки у меня на горле, после всех запретов. Он заметил моё замешательство.

— Езжай, — сказал он. — Только не путай прогулку с уходом. Твои вещи останутся здесь. И завтра я жду тебя дома.

— Она тебе ничего не обещала, — отрезал Захар.

— А я не с тобой разговариваю.

Теперь я видела: Артём сдерживался не потому, что вдруг пожалел меня. Он смотрел на сына, прикидывал расстояние, замечал телефон у него в руке. При Викторе ему особенно не хотелось получить отказ ещё раз. Но отпускать меня насовсем он не собирался.

Это была отсрочка, и мне нужно было ею воспользоваться. Добраться до Кати. Проверить бумаги. Найти место, где Артём не сможет просто открыть дверь.

Захар протянул руку. Я взялась за его рукав — ладонь казалась слишком личным жестом у мужа на глазах, хотя всего несколько минут назад я сама тянулась к Захару, не думая, как это выглядит. От воспоминания о его близости стало жарко, и я тут же разозлилась на себя: не время.

Виктор шагнул к машине и потянулся к дверце.

— Он с нами не поедет.

Я сказала это слишком быстро. Артём посмотрел на меня, затем на Виктора, и мне пришлось удержаться, чтобы не отступить.

— А что такое? — спросил муж.

— Я не хочу.

— У тебя сегодня много желаний.

— Виктор остаётся, — вмешался Захар. — Отойди от машины.

Тот убрал руку, только после короткого кивка Артёма. Я заметила и это.

Захар открыл мне пассажирскую дверь, дождался, пока я сяду, и прикрыл её. Через стекло я видела, как отец что-то сказал ему. Захар не ответил, обошёл машину и сел за руль.

Я потянула ремень, но пряжка никак не попадала в замок. Попробовала ещё раз, злясь на пальцы, на тяжёлое пальто, на то, что оба мужчины за лобовым стеклом смотрят сюда.

— Ань.

— Сейчас.

Пряжка снова выскользнула. Захар не стал забирать её у меня.

— Помочь?

Я кивнула, не поднимая глаз. Он наклонился, и в тесном салоне я почувствовала тепло его тела, запах футболки, к которой совсем недавно прижималась лицом. Его рука прошла у моего живота, не задев, но я всё равно задержала дыхание. Он заметил и остановился.

— Больно?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком поспешно. Захар посмотрел мне в глаза, потом застегнул ремень и сразу отстранился. Мне стало одновременно легче и почему-то обидно от того, как быстро он убрал руку.

— Я обычно сама справляюсь, — пробормотала я.

— Не сомневаюсь. У меня ремень тоже не с первого раза получается, когда отец над душой стоит.

Я тихо фыркнула и тут же поморщилась, губу потянуло болью. Его взгляд задержался на моих губах, потом он посмотрел на Артёма, который всё ещё стоял в дверях гаража. Захар крепче сжал руль.

— Не возвращайся к нему, — попросила я.

И я повернула его лицо к себе.

— Сейчас не возвращайся, — уточнила я. — Просто увези меня отсюда.

Несколько секунд он молчал, затем завёл двигатель.

— Хорошо. Не переживай, я всё сделаю.

За воротами я продолжала оглядываться. Каждый раз, когда сзади появлялись фары, всё тело свело от стресса, и я проверяла, не машина ли это Виктора. Захар ничего не спрашивал, только один раз поправил зеркало.

— Сначала в травмпункт, — сказал он. — Нужно показать губу и плечо.

— Я не хочу никому рассказывать.

— Понимаю.

— Правда?

Он посмотрел на меня и снова перевёл взгляд на дорогу.

— Нет, не до конца. Но давить не буду. Давай хотя бы убедимся, что тебе не нужна помощь.

Я кивнула. Спорить хотелось не с ним, а с тем, что всё это действительно случилось. Что придётся снимать пальто перед незнакомым врачом и отвечать, откуда следы на теле.

— Мне нужно позвонить Кате.

Захар разблокировал телефон и передал мне.

Катя ответила почти сразу:

— Аня? Ты с ним?

— С Захаром. Мы уехали.

— Ты можешь говорить?

Я посмотрела на него. Он следил за дорогой, оставляя мне возможность отвернуться, прикрыть экран ладонью, сказать не всё. Я не привыкла, что такое вообще возможно.

— Да, могу.

На этом слове голос дрогнул. Я прижала телефон крепче, слушая, как Катя торопливо рассказывает, что сумка у неё, бумаги целы, ей уже позвонил Даня. Она сначала приняла его за очередного человека Артёма и успела наговорить лишнего.

— Он переживёт, — сказала я.

— Очень на это надеюсь. Я ему не показалась лучшей подругой года.

Я почти улыбнулась, но Катя вдруг замолчала.

— Что?

— Ань, в сумке была фотография.

— Где?

— За подкладкой. Я доставала папку, она зацепилась, шов разошёлся. Там, похоже, старый внутренний карман зашили. Я бы не полезла, но увидела край.

Это была папина сумка. Он носил её столько лет, что я давно перестала замечать потёртые ручки и криво подшитую подкладку. После похорон просто сложила туда документы, не проверяя каждый карман.

— Что на фотографии?

— Твой отец возле машины. И Виктор, который тебя сегодня привёз. Я сейчас пришлю.

Телефон коротко завибрировал. Я открыла снимок и приблизила папино лицо. Он стоял, скрестив руки на груди, в куртке, которую я помнила до последней сломанной кнопки. Рядом был Виктор. Никакой случайной встречи: они смотрели прямо в камеру.

Следом пришло фото оборота.

— Ань? — позвала Катя. — Ты видишь?

Я узнала почерк сразу. Папа всегда писал моё имя крупнее остального текста и сильно нажимал на ручку.

— Что там? — спросил Захар.

Я протянула ему телефон, но он качнул головой:

— Я за рулём. Прочитай.

Пришлось сглотнуть, прежде чем слова стали получаться.

— «Аня, если со мной что-нибудь случится, не верь Виктору. Он знает, где твоя мать».

Захар сбросил скорость. Катя что-то говорила в трубке, но я уже не разбирала слов и смотрела на надпись, проверяя каждую букву.

Папа не написал, что Виктор знает, как она пропала или что с ней случилось.

Он знал, где моя мать.

Глава 2

Я сидела на кушетке, глядя в одну точку, и пыталась унять дрожь. Врач что-то говорил про результаты осмотра, но его голос доносился до меня словно через слой ваты. В голове было пусто и гулко, а в груди ворочалось тяжёлое, липкое чувство обречённости. Захар стоял у окна, заложив руки за спину. Даже в этой позе он выглядел как натянутая струна, готовая лопнуть и ударить по всему, что окажется рядом. Я видела, как ходят желваки на его лице, и знала, что он сейчас не на парковку смотрит. Он ищет глазами Артёма, представляя, как впечатывает его в стену. Мне пришлось просить его пока не разносить Артёма. Удивительно, как легко он согласился.

Он отвернулся от окна и подошёл ближе, а я не заметила, как пальцы сами вцепились в рукав его куртки. Захар обернулся мгновенно. Вся та ярость, что исходила от него секунду назад, вдруг сменилась тяжёлым взглядом, от которого по коже пошли мурашки. Он шагнул ко мне и опустился на корточки, перехватывая моё лицо своими большими, шершавыми ладонями. Его большой палец медленно, почти осторожно, провёл по моей скуле, и я почувствовала, как он едва заметно дрожит.

— Всё, хватит, — хрипло бросил он, глядя мне прямо в глаза. — Слышишь меня? Больше он к тебе не прикоснётся. Я не отдам тебя этому ублюдку, скорее сам перегрызу ему глотку прямо на пороге его же дома.

Он притянул меня к себе, и я буквально утонула в его объятиях. Его сердце колотилось о мои рёбра так мощно, как у зверя после охоты. Захар зарылся пальцами в мои волосы, прижимая мою макушку к своему плечу, и что-то тихо шептал, чего я почти не слышала. Но этот шёпот, его горячее дыхание у моего уха вызывали внутри меня настоящий пожар. Я чувствовала его силу, его наглость и эту дикую, первобытную энергию, которая заставляла мои ноги слабеть. Внизу живота разлился тягучий жар, и я поймала себя на мысли, что хочу прижаться к нему ещё сильнее, чувствовать каждое движение его мышц под курткой.

И в этот же момент мой разум, привыкший выживать в аду, включил холодный расчёт. Всё складывалось идеально. Захар был на крючке, он злился, хотел защищать, был готов идти против отца. Мне оставалось только играть роль испуганной девочки, которая видит в нём своего единственного спасителя.

Дать ему ту нежность и покорность, которую он хочет видеть, а когда он окончательно разгромит Артёма, то просто исчезнуть. Сбросить это проклятое кольцо, которое муж называл ошейником, и уехать так далеко, чтобы ни один Громов никогда не нашёл меня.

Но когда его рука снова сжала мой затылок, а губы почти коснулись моей кожи, план начал трещать по швам.

Я ненавидела себя за то, что мне не хотелось бежать. Мне хотелось, чтобы этот момент длился вечно. Я знала, что Артём жестокий нарцисс, который никогда не отдаст свою «вещь» добровольно, и эта мысль должна была меня пугать, но сейчас меня заводил только Захар. Его опасная близость, этот запретный запах и осознание того, что он — сын моего мужа, превращали страх в какое-то извращённое удовольствие.

— Я увезу тебя отсюда, — прошептал он, и в его голосе прозвучала такая решимость, что у меня перехватило дыхание. — В место, где он тебя не найдёт.

Я не ответила, только сильнее сжала пальцами его одежду, чувствуя, как между нами искрит всё вокруг. Он решил, что я в ужасе. А я просто понимала, что в этой игре я сама могу стать своей главной ловушкой.

***

В загородном доме, куда мен привёз, Захар первым делом показал мне замок.

— Закрывается изнутри. Ключ один, запасной в ящике на кухне. Заберёшь оба, если так спокойнее, — он говорил это своим обычным тоном: нагло, уверенно, будто всё в этом мире принадлежало ему по праву.

Я стояла в прихожей, сжимая пакет с лекарствами. Врач велела отдыхать и не оставаться одной, но её взгляд, когда она говорила это Захару, был строгим. Она проверяла, смогу ли я при нём быть честной. В этом доме пахло старым деревом и застойным воздухом, но для меня этот запах был слаще любого парфюма, потому что здесь не было Артёма. Не было Марты, которая по звуку закрывающейся двери угадывала, в каком настроении хозяин решил сегодня нас уничтожить.

— Чей он? — тихо спросила я.

Захар бросил ключи на тумбочку. Звук металла о дерево прозвучал как выстрел в тишине.

— Раньше принадлежал моей матери.

Я вскинула голову, но он уже отвернулся, проверяя батарею. Его спина, широкая и напряжённая под тонкой тканью футболки, притягивала взгляд. В каждом его движении сквозила эта звериная решительность, которая пугала и возбуждала одновременно.

— Артём знает, что я здесь?

— Про дом — да. Про тебя — нет. Катя приедет через час, адрес ей скинул, она язык не развяжет.

— А ты? Куда ты?

— К Дане. Он кое-что нашёл.

Внутри всё мгновенно сжалось. Страх перемешался с жадным любопытством.

— Про папу?

Захар коротко кивнул. Мне хотелось потребовать забрать меня с собой и выдержать ещё один удар правды, даже если она разнесёт мою жизнь в щепки. Но тело предало меня, ноги стали ватными, а дыхание сбилось. Захар заметил это. Он подошёл сзади слишком быстро и близко.

— Давай помогу, — прохрипел он.

Он не стал спрашивать. Просто дождался, пока я повернусь, и осторожно стянул с меня рукава куртки. Его пальцы случайно коснулись моей кожи, но он не дёрнул руку и не поторопил

меня. Когда он потянулся к дверной ручке, я не выдержала. Шагнула назад и обхватила его за пояс, прижимаясь щекой к груди.

Под ладонью бешено колотилось его сердце. Захар замер, и я почувствовала, как его тело превратилось в камень.

— Мне страшно, — прошептала я в ткань его футболки. — Я всё время жду, что сейчас кто-нибудь позвонит и скажет, что мне больше нельзя здесь находиться. Что Артём нашёл меня.

Несколько секунд он не двигался, и эта тишина была наэлектризована до предела. Казалось, ещё миг и он либо оттолкнёт меня, либо раздавит в объятиях. Затем его тяжёлая ладонь легла мне между лопаток, почти грубо прижимая к себе.

— Здесь можно. Слышишь? Здесь ты в безопасности.

Я зажмурилась, вдыхая его запах.

— Ты ведь вернёшься?

— Конечно, я скоро верусь.

Он не обещал, что всё будет хорошо. Захар не играл в красивые сказки, и именно эта честность заставляла меня доверять ему больше, чем кому-либо.

***

Катя ввалилась в дом с продуктами. Она выставила на стол хлеб и колбасу с таким грохотом, что я вздрогнула.

— Тут до ближайшего магазина ехать двадцать минут, так что я взяла всё. Кроме полезного. Полезное пусть Громовы едят, им есть за что страдать, — она бросила на меня взгляд и, заметив мою бледность, смягчилась. — Чай?

Я кивнула, не в силах выдавить ни слова. Мы сидели на кухне, когда экран телефона вспыхнул, звонил Захар. Сначала он коротко уточнил, как я себя чувствую, а потом его голос стал серьёзным.

— Даня рядом. Включаю видео. Тебе нужно это увидеть.

На экране появился офис агентства, где был типичный хаос из папок, ноутбук и стакан остывшего кофе. Даня смотрел на меня с сочувствием, которое я ненавидела.

— Аня, у нас только часть, — начал он, разворачивая документ. — Не вся история, так что не делай поспешных выводов.

Когда он показал первую страницу, у меня перехватило дыхание. Внизу таблицы стояла фамилия моего отца, Соболев Сергей Викторович. Подпись была той самой, папа всегда слишком сильно уводил последнюю черту вправо. В детстве я рисовала там котиков, а теперь эта черта выглядела как шрам на бумаге.

— Это не долги, — выдохнула я.

— Нет. Платёжные поручения и переписка. Твой отец помогал Громову оформлять переводы через свои фирмы. Суммы дробились и уходили в тень.

— Он был его бухгалтером?

— Скорее, соучастником. Судя по датам, это длилось годами.

Я приблизила изображение, глядя на эти цифры. В голове всплыла наша последняя ссора. Папа, сжимающий телефон, его крик: «Есть вещи, в которых ты ничего не понимаешь!». Тогда я считала его грубым, а теперь поняла — он просто был в ужасе. Он врал мне, и этот факт принёс странное, извращённое облегчение. Я не была истеричкой. Я не придумала эту ложь.

— Я не ответила ему в тот день, — прошептала я, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. — Видела звонок и не взяла трубку.

Захар наклонился к камере, его глаза в объективе казались тёмными провалами.

— Мы видели время звонка в выгрузке, — перебил его Даня. — Но пропущенный вызов не делает тебя виновной в аварии, Аня.

Я опустила голову, разглядывая свои пальцы. Стыд и горечь смешались в один липкий коктейль. Папы больше нет, а я сижу здесь и радуюсь, что была права в своём подозрении.

— Пришлите мне копии, — попросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Захар коротко кивнул, и связь оборвалась. Я осталась сидеть в тишине, понимая, что Артём никогда не отдаст меня просто так. Для него я была не просто женой или должницей, я была трофеем, который хранил в себе частицу его грязных секретов.

«Он не просто владеет мной,— подумала я, — *он владеет всей моей правдой».*

***

Катя показала письмо после обеда. Сначала она долго копалась в телефоне, а потом просто положила его рядом с моей тарелкой. Оказалось, что в мастерскую, куда я так отчаянно пыталась попасть до свадьбы, всё-таки ответили. Помню, как я дважды переписывала сопроводительное письмо, ловила лучший свет у окна для портфолио, а папа лишь качал головой, мол, найди себе занятие посерьёзнее.

В итоге мне вежливо сообщили, что место уже занято. Пока я училась угадывать шаги Артёма за дверью, кто-то другой пришёл на собеседование, получил работу и теперь жалуется друзьям на ранние подъёмы. Жизнь снаружи не остановилась, она просто продолжилась без меня.

— Я им напишу, — вспылила Катя, — они не могли просто так...

Она замолчала, глядя на меня. Я сидела неподвижно, чувствуя, как внутри всё выгорело дотла. Даже злиться не хотелось. Мы какое-то время молчали, слушая, как гудит мотор холодильника, и эта бытовая тишина казалась оглушительной. Я попросила её не ругаться, ведь они не обязаны были меня ждать. Катя согласилась не сразу, и я была благодарна ей за эту заминку.

Ближе к вечеру мы отправили короткий ответ, без лишних надежд. Я вычеркнула фразу *«готова приступить в любое время»,* потому что это было бы ложью. Нажимая «отправить», я почувствовала странный укол в груди. Впервые за столько месяцев я сделала что-то не из-за Артёма, не ради спасения или правды, а просто потому, что всё ещё хотела жить.

***

Захар вернулся, когда Катя уже уходила. Я слышала их приглушённые голоса в прихожей, короткое *«если ей понадобится, я приеду»*и его сдержанное «знаю». После её отъезда он нашёл меня на террасе. Поставил стакан воды на стол и сел напротив, намеренно соблюдая дистанцию, но я всё равно чувствовала его присутствие каждой клеткой кожи. Атмосфера между нами стала тяжёлой.

— Копии у тебя на почте, — бросил он.

Я кивнула, но молчала, не зная, с чего начать. Все заготовленные вопросы вдруг показались глупыми, просто способом оттянуть неизбежное.

— Зачем ты преследовал меня в первые дни? — наконец спросила я. — В библиотеке, в коридорах... Ты видел, что я в ужасе, зачем продолжал давить?

Захар опустил взгляд на свои руки. Я ждала оправданий, что он хотел помочь, не понимал масштаба беды, что он не умел по-другому. Любую из этих лживых фраз я бы, наверное, проглотила. Но он поднял голову, и в его глазах появился тот тот тёмный блеск, когда он становился хитрым демонёнком.

— Хотел задеть отца, — коротко ответил он. — Через тебя.

Я замерла, боясь даже дышать.

— Как именно?

— Соблазнить его жену. Показать этому ублюдку, что он не всё контролирует.

Слова ударили под дых. Мне пришлось упереться пятками в пол, чтобы не пошатнуться.

— То есть ты смотрел на меня и думал, как ему будет больнее?

— Вначале — да.

Я медленно вдохнула, чувствуя, как в горле встаёт ком.

— А потом?

— Потом я узнал тебя.

Я хотела рассмеяться, но звук застрял в сжатом горле. Удобно. Очень удобно. Он знал, как это сказать, чтобы я снова начала сомневаться. Я вспомнила библиотеку, его руку, замершую в миллиметре от моего лица, и тот поцелуй, на который я решилась сама. Я думала, что это моё желание, мой единственный способ почувствовать себя живой.

— Я сама тебя поцеловала, — прошептала я.

— Знаю.

— Вот это и хуже всего. Теперь я не понимаю, что из этого было настоящим.

Захар резко подался вперёд, сокращая расстояние между нами до минимума. Я инстинктивно отшатнулась, и он замер. В этом коротком движении было столько невысказанного напряжения, что у меня перехватило дыхание. Он медленно убрал руки со стола и снова сел прямо, но я видела, как напряжены его плечи.

— Я не буду врать, что всё было ложью, — голос его стал хриплым. — Но и просить поверить мне сейчас не стану.

— А чего ты ждёшь?

Он помолчал, и эта его внезапная неуверенность не успокоила меня, а только сильнее запутала.

— Не знаю.

— Я хочу побыть одна.

Захар встал, не касаясь меня, и ушёл на кухню. Я осталась смотреть в темноту, разрываясь между желанием, чтобы он вернулся, и страхом, что он подойдёт слишком близко.

***

Утром на столе лежала папка. Захар не пытался её пододвинуть, просто ждал, пока я сяду.

— Здесь всё по Соболеву. Проверенное отдельно от догадок. На первой странице номер адвоката, он не связан с моим отцом.

— Ты ему заплатил?

— За первую встречу. Дальше сама.

Я открыла папку, там были распечатки, флешка, визитка. Захар продолжал говорить, его голос звучал решительно, как и всё, что он делал. Он предложил мне переехать в гостевой дом своего агентства, чтобы я не зависела от него и не боялась возвращаться сюда.

— А если я не захочу тебя видеть?

Он выдержал мой взгляд, не моргнув.

— Администратор всё оформит без меня. Номер в папке.

Я провела пальцем по карточке. Никаких красивых слов и обещаний, только сухие факты и реальная возможность сбежать. Это не возвращало доверия, но давало мне то, чего Артём лишил меня в первый же день, а именно права выбор.

— В особняке мои документы и пакет отца, — сказала я, глядя на Захара. — Я его спрятала.

Он заметно напрягся.

— Где?

— Пока не скажу.

Захар резко выдохнул через нос, но не стал давить. Я добавила, что не могу оставить Марту одну объясняться с Артёмом, и он предупредил, что возвращаться одной опасно. Я лишь усмехнулась. Раньше я думала, что могу либо быть рабыней мужа, либо тенью Захара. Теперь же передо мной лежал чужой номер и адрес. Мысль, что я полноценный участник игры придавала мне сил.

Телефон завибрировал. Незнакомый номер, сообщение без приветствий: *«Это Вера. Ваш отец погиб не из-за долга. Но, если хотите узнать больше, приезжайте без мужа».*

— Кто? — спросил Захар, заметив мой взгляд.

Я медленно погасила экран. Впервые я почувствовала, как внутри просыпается холодный интерес. Сначала я сама решу, кому из этих мужчин можно доверять, и кого кинуть первым.

Глава 3

Голосовое сообщение я нашла случайно. Захар оставил телефон на столе, а сам вышел на улицу, вроде бы проверить, не запер ли ворота. Экран вспыхнул, высветив имя Дани, и я машинально глянула вниз. Не из любопытства даже, просто привычка выживать, ведь в доме Громовых я научилась замечать всё, что может оказаться угрозой.

Это было старое сообщение. Не сегодняшнее, и не вчерашнее. Он получил его ещё но того, как появился в нашем доме. Голос Дани звучал буднично, будто он говорил о погоде:

«Слушай, я всё понимаю, но не перегибай. Она не просто тёлка Артёма. Если решил использовать её как источник, хотя бы не дави. Потом сам себя ненавидеть будешь».

Я перемотала назад. Прослушала ещё раз. И так два раза.

Сначала внутри стало пусто. А потом меня бросило в жар, словно кто-то плеснул кислотой прямо под рёбра. «Использовать как источник». Значит, все эти взгляды, это «я не отдам тебя», эти руки, которые бережно снимали с меня браслет, всё это могло быть частью плана. Не просто месть отцу. Я была инструментом. Очередной папкой с документами, только тёплой и могу согреть в холодную ночь.

Когда Захар вернулся, я всё ещё стояла с его телефоном в руке.

Он замер в дверях. Посмотрел на экран, на моё лицо, и что-то в его взгляде дрогнуло. Он всё понял. Так смотрят люди, которые знали, что правда рано или поздно выползет, но надеялись, что успеют всё исправить. Я спросила у него. Что всё это значит и действительно он решил меня использовать, чтобы дотянуться до своего отца.

— Сначала — да, — сказал он тихо.

— А когда перестал?

Он молчал. И мне стало не по себе, лучше бы он орал и ругал, но молчание подтверждало всё.

— Вот именно это я и хотела знать, — я положила телефон на стол, стараясь, чтобы руки не дрожали. — Записи отца я тебе не отдам. Ни сейчас, ни потом. Если захочешь их увидеть — заслужи. Не доступ к документам, а ко мне.

Захар смотрел на меня так, будто я впервые заговорила на языке, которого он не понимал. Затем медленно кивнул. Без наглости и своей обычной уверенности. Просто кивнул.

И от этого мне стало ещё больнее. Я стала играть по их правилам.

***

Вера приехала в гостевой дом на следующий день. Она отказалась встречаться в офисе, там было слишком много посторонних глаз, и много людей, которые могут доложить Артёму. Даня проверил её заранее: часть материалов она передала ещё до встречи, и они оказались подлинными. Но я всё равно смотрела на неё с недоверием. Бывшая любовница моего мужа.

Женщина, которую он выбросил, как использованную вещь. Красивая, ухоженная, с острым взглядом человека, который привык считать чужие слабости.

— Вы вовремя, — сказала я, не предлагая сесть.

— Ты тоже, — она усмехнулась, но улыбка вышла кривой. — Не буду ходить вокруг да около. Твой отец был не просто должником. Он годами помогал Артёму прятать деньги. А когда решил выйти из игры, стал проблемой.

— Вы знали об этом?

— Догадывалась. Артём не делился делами, но я не дура. Слышала обрывки разговоров, видела документы. А потом Сергей позвонил мне. Сказал, что хочет передать кое-что людям, которые смогут остановить Громова.

Я вцепилась в подлокотник кресла.

— И что вы сделали?

— Ничего. Я просто испугалась. А через неделю Сергей погиб.

Она говорила спокойно, без слёз и показного раскаяния. И это подкупало меня больше, чем любые истерики. Вера не пыталась выглядеть хорошей. Она просто хотела выбраться.

— Мне нужны адвокат, безопасный отъезд и помощь с деньгами, которые Артём удерживает. Взамен я расскажу всё, что знаю.

— Я не могу обещать вам невозможного.

— А я и не прошу невозможного. Только то, что ты реально можешь сделать.

Я смотрела на неё и понимала, что эта женщина, это всего лишь моё отражение в другом зеркале. Она тоже побывала в золотой клетке. Тоже научилась выживать. Разница лишь в том, что она выбрала бегство, а я пока не решила, что выбираю. Оба Громовых опасны и обоим нельзя доверять. Но у меня пока что нет другого выбора.

Вера уехала под вечер. Мы с Захаром остались вдвоём в гостевом доме. Даня должен был приехать позже, но позвонил и сказал, что задерживается. Я сидела на кухне, глядя, как за окном сгущаются сумерки, и чувствовала, как между нами повисает неловкая тишина.

— Есть хочешь? — спросил Захар.

— Не знаю. Наверное, да.

Он открыл холодильник, оглядел содержимое с таким видом, будто планировал боевую операцию. Достал яйца, помидоры и какую-то зелень. Взял сковороду.

— Я приготовлю, — констатировал он.

Я не сдержала улыбки. Слишком уж уверенно он это сказал.

— Ты умеешь готовить?

— В полевых условиях готовил. Здесь не сложнее.

Он закатал рукава футболки, и я невольно задержала взгляд на его предплечьях. Крепкие руки, с выступающими венами, с тонкой дорожкой шрама у локтя. Я уже видела его руки, когда он снимал с меня браслет, когда прижимал к себе в гараже. Но сейчас, в тёплом свете кухни, без угрозы и спешки, это зрелище действовало на меня иначе. Внизу живота медленно разливался жар, и я снова подавила этот приступ притяжения. Не до этого сейчас.

Захар разбил яйца в миску, плеснул молока, начал взбивать вилкой. Движения были резкими и нетерпеливыми. Через минуту он уже ругался сквозь зубы, потому что смесь подгорала к сковороде.

— Это ещё можно спасти? — спросила я, заглядывая через его плечо.

— Зависит от того, считаем ли мы ужином уголь.

Я засмеялась, впервые за долгое время, не из вежливости и не над опасностью. Просто потому, что он стоял у плиты с видом генерала, проигравшего битву с яичницей, и это было до ужаса живым. Я никогда не видела Захара таким забавным.

А потом я вспомнила, как папа ругался на мои подгоревшие сырники. Он всегда говорил, что я витаю в облаках, что мне нужно учиться быть собранной. Я тогда обижалась, а теперь отдала бы что угодно, чтобы снова услышать его ворчание.

Захар заметил, что я замолчала и ничего не спросил. Просто убавил огонь и поставил передо мной стакан воды. Эта простая забота вернула меня обратно в реальность.

Мы сели за стол. Ужин вышел так себе. Яичница местами подгорела, местами осталась сырой, но я ела, потому что не хотела его обидеть. Он так старался. Захар сидел напротив, пил чай и смотрел на меня. Не так, как раньше, не с вызовом, и не с тёмным любопытством. А как-то иначе. Внимательно и жадно, словно пытался запомнить каждую деталь.

Я облизала губы, потому что они пересохли, и заметила, как его взгляд метнулся к моему рту. Дёрнулся кадык. Я взяла чашку, сделала глоток, и пальцы чуть дрогнули, он это видел. Он всё видел.

Я заправила волосы за ухо, и его глаза проследили за движением. В них было столько голода, что у меня перехватило дыхание. Я понимала, что он не прикоснётся, не после того, что я ему сказала. Но от этого становилось только тяжелее. Запрет делал его взгляд острее, а моё желание невыносимым.

Я потянулась за салфеткой и уронила её. Наклонилась, чтобы поднять, чувствуя, как горят щёки. Когда выпрямилась, Захар всё ещё смотрел на меня. В тишине было слышно, как тикают часы на стене.

— У тебя ресничка на щеке, — произнёс он.

Голос был низкий, хриплый, будто он не говорил, а касался меня. Я замерла, не в силах пошевелиться. Внутри всё перевернулось от этого невинного замечания и сказанного тоном, от которого у меня подкосились ноги.

— Где? — прошептала я.

— Вот здесь.

Он не пошевелился, только смотрел. И я поняла, что он ждёт. Ждёт, пока я сама решу, позволить ли ему подойти или продолжать держать на расстоянии.

Я не позволила. Просто стёрла несуществующую ресницу дрожащими пальцами и опустила глаза.

— Я хочу остаться здесь, — сказала я тихо. — На время. Я не хочу пока что ехать к Кати.

Захар медленно выдохнул.

— Хорошо.

Он не спросил, почему. Не начал убеждать, что так безопаснее. Просто принял моё решение.

***

Мы сидели в гостиной, когда я решилась.

— То, что ты рассказал про свой план, — начала я, глядя в тёмное окно. — Мне всё ещё больно. Это не проходит от того, что «я... возможно, что-то чувствую к тебе».

Захар сидел в кресле напротив, подавшись вперёд, сцепив руки в замок. Он не перебивал.

— И дело не в том, что я неопытная. У меня просто не было близости, где моё желание что-то значило. Где я могла остановиться. Где меня не заставляли. И уж тем более, я хотела того, кто был со мной рядом.

Он резко втянул воздух. Я видела, как напряглись его плечи и как побелели костяшки.

— Аня...

— Не жалей меня, — перебила я. — Я не хочу жалости.

— Я не жалею! — выпалил он слишком резко, и я вздрогнула. Захар заметил это, зажмурился на секунду, потом заговорил тише: — Я не жалею. Я злюсь на него. На себя. На то, что не оказался рядом раньше и не помог.

Я не ответила. Просто смотрела на него, пытаясь понять, где заканчивается его вина и начинается моя собственная. Он был прав, я не могла просто забыть. Но и уйти я тоже не могла.

Ночью я сама закрыла дверь своей комнаты. Не потому, что боялась его. А наоборот, потому что испугалась себя и своих мыслей. Слишком сильно хотелось позвать его, почувствовать рядом его тепло, позволить себе то, о чём я не имела права думать ещё пару недель назад.

Но я не позвала. И он не пришёл. Только утром я нашла на кухне свежий хлеб и записку: *«Уехал к Дане. Вернусь к обеду»*.

Я стояла у окна, прижимая к груди эту дурацкую бумажку, и улыбалась. Сейчас мне не хотелось придумывать себе диагнозы, чтобы оправдать свою радость от этого простого жеста.

***

Вернувшись из душа, я замерла на пороге спальни.

Письмо из мастерской лежало на туалетном столике. Аккуратно и ровно, будто кто-то положил его специально на видное место. Но я прятала его в ящике под бельём. Я точно помнила.

Сердце ухнуло вниз. Я медленно обернулась, оглядывая комнату. Никого. Но в воздухе витал едва уловимый чужой запах, сладковатый, как духи Марты.

Или как одеколон Артёма.

Я схватила письмо, сжала в кулаке. Кто-то из них был здесь. Кто-то знал, где я прячусь. И этот кто-то хотел, чтобы я поняла, что даже здесь я не в безопасности.

«Он знает, — пронеслось в голове. — Господи, он знает».

Я бросилась к телефону, набирая Захара. Гудки. Ещё гудки. Потом его голос, встревоженный, резкий:

— Что случилось?

— Кто-то был в доме. Я нашла письмо. Оно лежало не там, где я его оставила.

Тишина. Потом короткое, как выстрел:

— Не выходи из комнаты. Я уже еду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.